

Архангельская история «Корнета» Рильке

Это необычная история об одной-единственной книге австрийского поэта Райнера Марии Рильке «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке». Уникальность этой книги в том, что она написана от руки, чернилами, четким почерком, переплетена в мешковину, на которой имеются пятна неизвестного происхождения, листы книги пожелтели от времени, количество страниц – 30. И самое необычное в том, что на титульном листе написано: Архангельск, 1946 год. А на втором титульном, цитирую: «Восстановлено по памяти в плену Харальдом Тойфером, переплет и запись доктора Эрнста-Отто Гасселя». Вся книга на немецком языке (*цв. вклейка 24*).

Работая в иностранном отделе библиотеки, мне не раз приходилось видеть эту серенькую книжицу, которая всегда привлекала внимание. По рассказам заведующей Галли Федоровны Оттлие, военнопленные немцы были активными читателями нашего отдела. Сообразив, что книги от них возвращаются отремонтированными и переплетенными, Галли Федоровна использовала эту ситуацию, стараясь выдавать им книги, которые требовали ремонта. Таким образом книги на немецком языке отличались своим внешним видом от книг на других языках. Перед отъездом на родину в 1948 г. группа уже освобожденных немецких военнопленных принесла в подарок эту брошюрку.

Спустя полвека история продолжилась. Нам, конечно, хотелось хоть что-нибудь узнать об авторе книги, но это было невозможно по известным нам причинам. И вот наступили другие времена. В 1989 г. в Германии у Архангельска появился город-побратим Эмден. Наш отдел стали посещать жители этого города, и мы попытались что-нибудь выяснить о Харальде Тойфере. В эмденской газете «Эмдер Цайтунг» по нашей просьбе появилась статья «Кто знает Харальда Тойфера?», но откликов статья не принесла, и неудивительно: Эмден – небольшой провинциальный город на севере Германии с населением в 50 тысяч человек. Однако надежда все-таки не покидала нас.

В 1996 г. наш отдел посетила атташе по культуре Генерального консульства Германии в Санкт-Петербурге Аня Лютер. Ее тронула история книги, и она обещала нам помочь в розыске.

6 декабря 1996 г. из Генерального консульства пришло в одном конверте два письма. Одно письмо было от Ани Лютер, а второе – от Харальда. Боясь, чтобы драгоценное письмо не потерялось, Аня передала его нам через сотрудницу Художественного музея, которая на то время оказалась в Санкт-Петербурге. Оба письма проникнуты сильными эмоциями. Аня радовалась, что ей удалось найти автора нашей книги, а Харальд был горд тем, что его книга не заброшена, а бережно хранится в нашем отделе.

Письмо Харальда Тойфера – это его повествование на нескольких страницах рукописного текста. Вот его рассказ (в переводе и с некоторыми сокращениями): «19 декабря 1943 года наше пехотное соединение оставило свои позиции под Витебском, я был ранен, оставаясь на поле боя, и был взят в плен возвращающимися русскими частями (Мне было 19 лет, звание – ефрейтор). Первые восемь дней я был единственный военнопленный среди раненых русских солдат. Со мной обращались и оперировали так же, как и их, и они, за малым исключением, видели во мне не врага, а скорее товарища по несчастью. В конце декабря нас перебросили дальше вглубь страны в «деревню-госпиталь» (госпитальную деревню), где я встретился еще с тридцатью ранеными или больными немецкими военнопленными. Выздоровливающие весной 1944 г. были перевезены в перевалочный лагерь под Горьким, а оттуда нас отправили в сторону Архангельска. Там нас разместили в пустынном лагере 7211/1 (Завод Молотовск) вместе с румынскими, а также позднее с венгерскими военнопленными. Через несколько недель благодаря счастливому стечению обстоятельств – а удача ни разу не покидала меня на

протяжении всего моего заключения – я оказался в продовольственном управлении лагеря, где был назначен «старшей хлебозерной». [Эти слова даже по прошествии стольких лет он запомнил по-русски и написал их немецкими буквами.]

Эту функцию я выполнял и после перевода в 1946 году в лагерь 7211/2 (АБК) и до тех пор, пока руководство лагеря не назначило меня уполномоченным по предупреждению несчастных случаев среди пленных на их рабочих местах на комбинате. В октябре 1948 с последним транспортом из нашего лагеря я был отпущен домой.

В лагере развивалась всякого рода творческая деятельность. Появился многочисленный хор, певческая группа, исполнявшая шлягеры и отрывки из оперетт, небольшой оркестр (часть инструментов была самодельной) и театральная труппа. И хотя среди нас не было профессиональных артистов, многие талантливые люди живо интересовались искусством и скрашивали тем самым наши серые будни. Я восторженно принимал во всем участие. Инициатива принадлежала одному учителю, который неплохо разбирался в музыке и инсценировал театральные пьесы. Мы поставили «Коварство и любовь», «Вильгельм Телль», позднее «Эгмонт» и «Русский вопрос». Баварскую комедию реконструировал по памяти зубной врач, доктор Габсбергер, он умер в лагере от заражения крови. Русское руководство лагеря приветствовало нашу активность и с интересом наблюдало за ней. Большинство охранников посещало наши представления.

Вашу библиотеку я знал. Неоднократно вдвоем или втроем с сопровождающим мы на пароходе добирались до Архангельска, чтобы в немецком отделе Вашей библиотеки взять книги для библиотеки лагерной. Тексты для наших классических постановок мы брали из книг Вашей библиотеки. Каждый участвующий по ночам списывал свою роль. Наш сопровождающий предоставлял нам возможность выполнять самим свои обязанности, а также сходить выпить пива. На обратном пути мы встречались и возвращались в лагерь. Эти дни были особенно приятными.

Интересен тот факт, что многие из нас, особенно молодые, благодаря Вашей библиотеке познакомились с такими именами, как Гейне, Кафка, Томас и Генрих Манн, Фейхтвангер и другими поэтами и писателями, которые были запрещены нацистами.

Теперь о «Корнете». Еще в школе я полюбил художественную литературу и легко и охотно заучивал стихи. Романтически и идеалистически настроенный юноша, я из всех произведений Рильке особенно часто перечитывал «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке», не заучивая его сознательно. Скорее всего благодаря нашим театральным постановкам и чтению вслух стихов «Корнет» стал всплывать в моей памяти. Я записывал его не сразу – проходили недели, и писал я не в хронологическом порядке, а отрывками, которые постепенно вспоминал до тех пор, пока текст не был полностью восстановлен. (По возвращению домой я удостоверился, что моя версия почти соответствовала оригиналу). Впоследствии я читал его вслух перед заинтересованным кругом лиц и понял при этом, что мое представление о «Корнете» изменилось. Само произведение и язык его были по-прежнему чарующими. Но сам себя я уже больше не хотел ассоциировать с корнетом и погибнуть во мнимом «смеющемся фонтане». Хирург, доктор Гассель, чья судьба после нашего освобождения мне неизвестна, придал моему манускрипту по имеющимся возможностям репрезентативную оправу: она до сих пор находится у Вас, и я – должен еще раз это сказать – даже не могу выразить все переполняющие меня чувства. (У нас в лагере было много врачей, которые работали в амбулатории под руководством русского врача Анны Васильевны Кублановой, достойной уважения женщины). [Это предложение Харальд заключил в скобки, видимо счел, что отступил от темы].

Бывшие военнопленные из лагеря 7211 раз в год собираемся вместе, хотя наш круг с каждым годом становится все уже. Само собой я расскажу им об этой приятной неожиданности. (Есть фотография этой встречи)

В Архангельске я помню старые красивые дома, магазины, где мы покупали кофе в зернах, закусочную, где пили пиво и, конечно, библиотеку, которая находилась в центре

города, но не на Набережной, но уже смутно представляю себе помещение с немецкими книгами».

В конце письма он сообщает о себе: «С октября 1988 года я пенсионер, после того как 35 лет проработал в фирме «Сименс» коммерсантом в экспортном отделе. Уже 42 года я женат и у меня два сына один – терапевт, другой – врач».

Немного о произведении, что так увлекло молодого немца, попавшего в мясорубку Второй мировой войны. В 24 года Рильке создает эту романтическую новеллу. Это рассказ о юноше-бароне, который мчится по полям войны XVII в. в доспехах, надетых прямо на сорочку тонкого шелка в кружевах. Там и мечи, и сеча, и случайный ночлег в замке в объятиях очаровательной маркизы, и тут же зов ночной трубы, пожар. Он выхватывает из огня знамя, врывается в стан врагов и умирает под ударами гнутых клинков, которые кажутся ему «косыми лучами солнца».

К «Корнету» не остались равнодушными и наши архангельские переводчики. Тамара Григорьевна Панасевич сделала перевод этой книги, и в 2000 г. она была опубликована в Северо-Западном книжном издательстве. В роли редактора – Борис Михайлович Егоров. Тираж книги – 500 экземпляров.